

сказано в Ветхом и Новом Заветах, и Юстин сразу же загорелся желанием прочитать их: «В моей душе вдруг запылал огонь, я полюбил пророков и тех мужей, кои суть — други Христовы; и, размышляя сам над их словами, я нашел, что только эта философия надежна и полезна»**.

Этот отрывок из «Диалога с Трифоном» весьма ценен, потому что на конкретном, исторически зафиксированном примере он показывает нам, каким образом христианская религия сумела непосредственно вобрать в себя то достояние, на которое раньше целиком претендовали философы. Христианство предлагало новое решение проблем, поставленных самими философами. Религия, основанная на вере в божественное Откровение, оказалась способна лучше разрешить философские вопросы, чем сама философия; ее последователи имели право претендовать на звание философов и, поскольку речь шла о христианской религии, могли называть себя философами именно потому, что они были христианами.

Однако подобная претензия вызывала некоторые возражения. Прежде всего если допустить, что Бог открыл людям истину только через Христа, то очевидно, что люди, жившие до Него, не были виновны в ее неведении. Поставив этот вопрос в «Первой апологии», Юстин попытался определить природу христианского Откровения и его место в истории человечества. Предлагаемый им способ решения заимствован из начала Евангелия от Иоанна. «Мы узнали, — пишет он, — что Слово светит всякому человеку, приходящему в мир, и, следовательно, весь род человеческий причастен Слову»***. Таким образом, существует универсальное Откровение божественного Слова, которое предшествует Откровению, осуществившемуся уже тогда, когда Слово стало плотью. Этот тезис Юстин впоследствии повторяет в терминах, заимствованных из стоицизма, когда говорит во «Второй апологии», что истина Слова — это как бы «посеянная первопричина», то есть некий зародыш, частичку которого получил каждый человек* * *. Но независимо от способа выражения факт заключается в том, что, поскольку Христос

Глава I. Греческие отцы и философия 16

это Слово, ставшее плотью, то все, кто жил согласно Слову, будь то евреи или язычники, жили согласно Христу, а те, кто из-за своих пороков жил вопреки Слову, жили вопреки Христу. Так что христиане и антихристиане были и до Христа, — как были достойные и недостойные. А если вспомнить, что греческие философы нередко заимствовали свои идеи из книг Ветхого Завета, то мы будем вправе заключить, что христианское Откровение — это кульминационный пункт божественного Откровения столь же древнего, сколь древен род человеческий.

Значит, христианство может взять на себя ответственность за всю историю, но в этом случае оно требует и определенных преимуществ. Все, что было совершено дурного, совершено против Слова, все, что было совершено доброго, совершено Словом; Слово — это Христос; следовательно, заключает Юстин от имени христиан, «все, что было когда-либо сказано истинного, — наше». Эти знаменитые слова из «Второй апологии» (гл. XIII)* заранее оправдывают и обосновывают обращение христианских мыслителей последующих веков к греческой философии. И уж во всяком случае становится ясно, почему сам Юстин несколько не удивляется этому. С его точки зрения Гераклит и стоики не чужды христианской мысли; Сократ «частично» знал Христа; и действительно, он обнаружил определенные истины усилием разума, что само по себе есть причастность Слову, а Слово — это Христос; следовательно, Сократ принадлежит к числу Его учеников. То же самое справедливо по отношению ко всем языческим философам: